

Ю.В. Милютина

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ СВОЙСТВЕННОГО РОДСТВА В БРЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В статье анализируется одна из лексико-семантических групп тематической группы «Наименования лиц» на материале брянских диалектов. Привлекаются материалы других русских говоров, а также близкородственных восточнославянских языков. Делаются выводы об активных контактах брянских говоров с белорусским и украинским языками, что обусловлено территориальным расположением Брянской области.

Диалект, семантика, свойственное родство, брянские говоры, лексико-семантическая группа, близкородственные восточнославянские языки.

Терминология свойственного родства противопоставляет кровному родству как родство по браку. Между ними, однако, существует теснейшая взаимосвязь. Свойство образуется вследствие сближения прежде неродственных лиц через заключение брака. Вместе с тем, отмечает О.Н. Трубочев, в основе каждого кровного родства лежит свойственное родство, а именно сближение не родственных кровно родителей [15, с. 88]. Такое современное понимание свойственного (брачного) родства имеет свою длительную историю. Оно было постепенно выработано человечеством в результате оформившегося еще в родовую древность запрета кровосмешательства (т.е. брака кровно родственных особей) и выразилось в том, что жены выбирались, как правило, за пределами своего численно небольшого, связанного кровными узами рода. «Свойство, – пишет Ю.И. Семенов, – есть отношение, существующее между одним из супругов и родственниками другого, а также между родственниками обоих супругов. Каждый родственник одного из супругов для другого супруга и его родственников является «свойственником» [12, с. 23]. Для обозначения отношений свойства, естественно, также существуют особые термины (*зять, тесть, тёща, золовка* и т. д.).

Нужно отметить, что свойство приравнивалось к кровному родству, что вытекает из самой семантики терминов: *свекор-батюшка* в русских народных песнях, болг. диал. *дядо, баба* в значениях «свекор», «свекровь» [15, с. 88]. Добавим, что об этом же говорят слова *отец, мать* в этих же значениях в современном народном словоупотреблении. Терминология свойства не так многочисленна, как терминология кровного родства, но очень сложна и многопланова. Она включает следующие лексические единицы: *свёкор, свекровь* – жене сына; *тесть, тёща* – мужу дочери; *невестка, сноха* – родителям мужа; *зять* – родителям жены; *золовка* – сестра мужа по отношению к его жене; *деверь* – брат мужа по отношению к его жене; *шурин* – брат жены по отношению к ее мужу.

Заметим, что памятники деловой письменности прошлых веков также могут фиксировать отдельные наименования свойственного родства, но в официаль-

ном ключе. Причем здесь большое место играет социальный уровень просителя, как например, *служительская жена* [8, с. 97] и т.п. Вообще русская приказная речь, вопреки сложившемуся мнению о клишированности, часто выходит за жанровый стандарт и может включаться в языковую игру с разными стилями и жанрами устной и письменной культуры (см. подробнее: [9]). И в этом случае терминология родства будет представлять особый интерес для исследователя. Более разветвленная система наименований характерна для говоров, причем как для северных, так и для южных. Лексикографические источники фиксируют большое разнообразие форм.

Так, в словарях брянских говоров зафиксированы следующие термины свойства: *свекруха, влázень, примак, деверь, дьянка, своячения, шурьяк, ятровка*.

В современном русском литературном языке *свекровью* называют мать мужа [11, с. 700]. В.И. Даль представляет широкий синонимический словообразовательный ряд к лексеме *свекровь*: *свекра, свекрова, свекровка, свекровья, свекруха* [3, т. IV, с. 146]. А.Д. Нечаев еще в 1914 г. зафиксировал номинатив *свекруха* в песнях, записанных в с. Гарцеве С-д. уезда: (*Чьм ты сваю свьякруху подаруешь?*) [7, с. 21]. П.А. Расторгуев отметил данную лексему в юго-западных говорах Брянщины (Лакомая Буда) (*Свекруха жалилась на тебе*) [12, с. 237]. В лингвистике известен общеславянский генезис слова, современная форма которого ведет свое начало от др.-рус. *свекръвь*. Происхождение лексемы, с фонетической стороны, носит «хрестоматийный» характер, во всех учебниках по старославянскому языку и исторической грамматике, объясняясь как образец: *свекръвь* – форма вин. п. ед. ч. существительного *свекры*, которая стала восприниматься как им. п. ед. ч. в связи с переходом этого имени из *ы-основ* в склонение *і-основ* с изменением под ударением *ь* в *о* и утратой конечного согласного *ь*. Однако для решения задачи установления денотативных смыслов древних терминов родства важнее определить внутреннюю форму термина. И здесь интересна мысль В.В. Колесова, подчеркивающего генетическую общность корня в словах *сестра, свекровь*

и, в связи с этим толкующего слово *свекровь* как «своя кровь» [5, с. 36]. В русских говорах данный номинатив преобразован по типу продуктивной группы *a-основ* с частотной для русского языка финалью: *свекра, свекрова*. Г.П. Цыганенко полагает, что праслав. *свекры* (**svekrŭ*) развилось из **svesry*, в котором первая часть **sve-* значит «свой, своя», а вторая часть **ry-* с неизвестным первоначальным значением по народной этимологии была заменена элементом *-*krŭ* под влиянием славянского *кры* «кровь» [22, с. 411].

Данное слово пережило сложную не только семантическую, но и фонетико-морфологическую историю, отображенную, естественно, в говорах, где широко представлены древнейшая общеславянская форма *свекры* и производное *свекрѹха*, довольно распространенная как на юге, так и на севере России (в курск., смол., ряз., моск., новг., пенз., ворон., дон., перм., сиб., амур., хабар., камч. говорах [16, т. XXXVI, с. 232]). В белорусском языке, наряду с формой *свяхроу*, широко известна лексема *свяхрѹха* [8, с. 302], в украинском, наряду с литературным словом *свяхруха*, отмечаются ум.-ласк. формы *свяхрѹвонька*, известная и говорам русского языка *свяхрушенька*, а также унич.-увел. форма *свяхрѹшище* [13, с. 1073]. Что касается распространенности наименования *свяхруха*, то оно широко известно в указанном значении как на юге, так и на севере России: в курск., смол., ряз., моск., новг., пенз., ворон., дон., перм., сиб., амур., хабар., камч. говорах [16, т. XXXVI, с. 232].

История слова *свѣкор* («отец мужа») однообразнее. Думается, что это однообразие ведет свое начало от древнейшей эпохи, в которую прежде возникали имена родственников по женской линии, именно по ней в то время члены общества входили в число «своих», мужские же имена, как пишет В.В. Колесов, просто «подстраивались» под созданные ранее элементы такого «женского» ряда [5, с. 37]. В современных славянских языках ситуация выглядит противоположным образом. Варианты общеславянской формы *свекръ* известны, естественно, также в других славянских языках: блр., укр. *свекор*, болг. *свекър*, чеш. *svekr*, слвц. *svokor*, польск. *swiekier* [21, т. III, с. 571–572]. Форма м. р. *свекръ* восходит к праслав. **svękrŭs*, из и.-е. **svękrŭs* с корнем **svę-* > **sve-* «свой». Вторая часть **kr-* < **kur-*, как полагают исследователи, соотносится с греч. словом *kyrios* – в многоворящем значении: «имеющий силу, власть», «господин» [22, с. 411]. В говорах русского языка, если судить по лексикографическим источникам, фонетико-словообразовательных вариантов данного слова значительно меньше, чем у лексемы *свекровь*. В брянских словарях не приводится никакой соотносительной формы м. р. Можем указать на лексему с мягкой финалью *свѣкорь* – в пензенских и рязанских говорах [16, т. XXXVI, с. 231].

Тесть – «отец жены», ум.-ласк. *тестюшка, тѣца* – «мать жены» [11, с. 796, 798]. Этимология древнего славянского слова *тесть* не считается окончательно выясненной. Оно оформилось поздно и по-разному в отдельных языках [17, с. 128]. Так, Г.П. Цыганенко полагает, что слово *тѣсть* возникло на славянской почве из и.-е. **tektŭ*, являющегося суффиксальным образованием от глагольной формы **tek-* – «рождать», родственное греч. *tiktō* «рождаю», *tekōn* «родитель,

отец». От сущ. **tektŭ* > *тѣсть* в праслав. период с помощью суффикса *-j-a* образовано слово **tektŭja* – «мать жены», из которого развилось и современное *тѣца* [22, с. 476]. М. Фасмер видит в рассматриваемом слове родство с др.-прус. *tisties* «тесть». В нем обычно видят ласк. оттенок, связывая его частично со словом *тѣтя*, частично – с греч. *lytta* «батюшка, отец» [21, т. IV, с. 51–52]. Номинатив *тѣца*, образованный от слова *тесть*, известен многим славянским языкам: укр. *теца* [20, с. 946], блр. *цеца* (не ё), болг. *тѣца*, чеш. *testice*, слвц. *testina* [21, т. IV, с. 54]. В русском языке название *тѣца* отмечается словарями с 1704 года (Поликарпов, 12, об) [18, т. II, с. 243].

Женщину по отношению к родителям мужа, жену брата или жену сына, а также замужнюю женщину по отношению к братьям и сестрам ее мужа именуют *невесткой* [11, с. 401–402]. К этому слову, широко представленному в речи брянцев любого возраста, синонимом служит лексема *дѣ'нка* (*Братѣва жана – дѣ'нка па-нашѣму, как была ранѣшы дѣ'нка, так и сталѣсь дѣ'нка*) [15, т. V, с. 52]. Данное слово зафиксировано словарями лишь в смоленских говорах в значении «жена дяди» [16, т. VIII, с. 308].

В современной системе терминов свойства выделяют лексему *сноха* – «женщина по отношению к отцу и матери ее мужа, невестка» [11, с. 737]. Данный номинатив известен и в других слав. языках: ц.-слав. *снѣха*, болг. *снѣха*, словен. *snaha* [21, т. III, с. 700]. О.Н. Трубочев связывает этот агентив с и.-е. **sneue-* «вязать», откуда выводит рус. *сновать* [17, с. 131]. Таким образом, можно предположить, что это слово произошло от глагола **vedti* – «знать, ведать», в котором сочетание *dt* > *ct* и имело первоначальное значение «неизвестная, незнакомая». В.И. Даль усматривал семантическую и словообразовательную связь лексемы *сноха* с синонимичной бытующей во влад. и тамб. говорах лексемой *сношеница*, а также *сыновка* – «жена сына, сноха, невестка» [3, т. IV, с. 249]. Однако эти лексемы не нашли отражения в современной терминологии родства.

На происхождение общеславянского термина *зять* в значении «муж дочери или сестры» [11, с. 234] в науке нет единого взгляда. Г.П. Цыганенко считает, что оно восходит к праслав. **zety* «родной, свой», «единокровный», которое развилось из **genti* [22, с. 106]. Н.М. Шанский предполагал, что это слово восходит к той же основе, что и глагол *знать*, но на иной ступени чередования. Первоначальное значение – «знакомый, известный, тот, кого знаю» (греч. *gnotos* – «знакомый») [19, с. 167].

В брянских говорах зафиксирован номинатив *влáзень*, называющий зятя, живущего у родителей жены. (*А брат-та твой влáзинь, патаму што у тѣтя жыветь*) [1, с. 51]. В процессе развития родственных отношений и системы их языкового выражения во многих говорах возникали вторичные названия этих отношений, детализировались обозначения, отражая потребности межличностного общения. Так, для обозначения зятя, принятого в дом жены, появляется агентив *примáк* (*Муж к жонки пришоу – ён называуся примáк*), известный далеко не только в брянских [1, с. 282], и не только во многих других русских говорах обоих наречий (курск., краснодар., волог.,

арх., киров., костром., новосиб., свердл. и др.) [16, т. XXXI, с. 285], но и в славянских языках (блр. диал. *пріймáч*, укр. *пріймáк*, болг. диал. *привидинік*) [17, с. 131]. Женщину, принявшую мужа в свой дом, называют на Брянщине *прімкой* [1, с. 282]. Отличие фонетического облика слова в белорусском и украинском языках от русской словоформы обусловлено, думается, обликом производящей основы инфинитива в украинском языке *пріймáти* (в блр. иначе: *прямать*, *брать*). В данном случае украинский язык не повлиял даже на пограничные брянские говоры. Не отразилось, понятно, это влияние и на смоленских говорах, не граничащих с украинским языком: в них известно слово *зять* – *прімень* «зять, принятый в дом тестя» [16, т. XII, с. 51].

В брянских говорах отмечено наличие слова *влáзины* в значении «новоселье» [1, с. 52]. Однако лексемы *влáзень* в значении «зять, принятый в дом невесты или тестя» в словаре не находим, что, однако, не обязательно свидетельствует об отсутствии этого слова в самом говоре. Но эта лексема с твердой финалью в этом же значении, видимо, известна в других русских говорах: твер., пенз., яросл., урал. [16, т. IV, с. 317]. Этот материал интересен также с позиций номинации: налицо случай, когда в трех близкородственных языках используется один и тот же мотивировочный признак, связанный с семейным действием, движением внутрь («влезать», «входить»), но выбор конкретного слова в каждом из языков свой: в брян., как мы уже указали, *влязины*, в блр. *увахóдзіны*, в укр., сближаясь с блр. языком, *вхідчини*. Агентив *прімак* в значении «муж, принятый в дом жень» функционирует в курск., краснодар., волог., арх., киров., костром., новосиб., свердл. говорах [16, т. XXXI, с. 285].

В русском общенародном языке в значении «сестра мужа» используется лексема *золóвка* [11, с. 232]. О.Н. Трубачев отмечает, что это генетически общеслав. слово в форме **zъly* (укр. *золвиця*, ср.-болг. *зльва*, болг. *зльва*, *золва*) в зап.-сл. языках уже почти забыто [17, с. 136]. В словарях брянских говоров лексема *золовка* в указанном значении также не зафиксирована. М. Фасмер отмечает слово в диалектных формах: *золва*, *золвица*, а также в других славянских языках: укр. *золвиця*, болг. *зльва*, зап.-болг. *золва* и др. [21, т. II, с. 103]. Н.М. Шанский указывает на собственнорус. образование данного номинатива от формы *зльва*, являющейся видоизменением общеслав. *zъly* [19, с. 165].

Словарями брянских говоров лексема *золовка* не зафиксирована, однако в значении «жена брата, невестка» она нашла отражение в других русских говорах: олон. и твер. [16, т. XI, с. 328]. В говорах Брянщины хорошо известно диалектное слово для обозначения другой родственницы – жены брата мужа: *ятровка*. (*Я и Марья – ятрауки, наши мужыки – браття родныя*) (Клим. р-н) [1, с. 380]. Это именование восходит к прасл. **jetry* – ятровь, относившееся к древней группе имен с основой на гласный *й*. Др.-рус. распространение слова подтверждается наличием его словообразовательных вариантов в укр. *ятрівка* – «свояченица, невестка, жена деверя», почти вышедшие из употребления. В блр.: *ятрóвка*, *ятрóука* – «жена братняя, невестка» [2, с. 19]. Как видим, в

брянских говорах значение древнего слова изменилось, начав обозначать единицу родственных отношений более удаленной ступени. Можно предполагать, что в др.-рус. языке слово имело семантику синкретического, диффузного характера, расплывчатую, нечеткую. Об этом свидетельствуют обнаруженные в далеком прошлом значения этого слова: др.-рус. *ятры*, рус. устар. диал. *ятровь*, *ятрова*, *ятровка*, *ятровья*, *ятровица* – жена деверя, жена шурина, жена брата (деверя), *ятрови* – жены братьев между собой, *ятровка* – «свояченица», *ятрука* – «невестка» [17, с. 137]. Следовательно, брянские говоры по данному лексико-семантическому варианту отражают типичную др.-рус. особенность.

Функцию языкового обозначения брата жены в брянских говорах (точнее в новозыбковском говоре) выполняет лексема *шурьяк* – «брат жены; шурина» (*Шурьяк патсобить усадьбу посеить*) [1, с. 376], вариант русской общенародной лексемы *шурина* [9, с. 902], являющегося др.-русск. производным от древнего *шурь* с присоединенным к нему со значением единичности суффиксом *-ин-ь*. В др.-рус. *шурина* – «брат жены», *шуричь* – «сын шурина», *шурия* – «шурья, брата жены», рус. *шурина* – «брат жены», укр. *шуряк* [17, с. 139]. В ст.-сл. и сербохорв. известны формы *шурья*, *шура* [19, с. 516]. Вариант *шурьяк* объединяет брянский ареал с курскими, а также с отдаленными вологодскими говорами.

Брянские говоры как часть русского национального языка сохраняют, как мы видим, в своем составе немалое число древних терминов родства и свойства. К ним относятся и лексема *деверь* (сбир. *деверьё*) в значении «брат мужа». (*Мужыв брат мне девирь*) (Почеп. р-н). (*Дивирьё – эта маево мужа братья*) (Дятьк. р-н). (*Адин – дивирь, а многа – дивярьё*) (Бр., Рогн. р-ны) [15, т. V, с. 11]. Слово известно и другим славянским языкам: укр. *дівер*, блр. *дзевер*, болг. *девер* [21, т. I, с. 491]. Имея генетически и.-е. характер, основа представлена и в неславянских языках: др.-инд. *devar*, греч. *daer*, лит. *dieveris* [19, с. 122]. Лучше всего, как отмечает О.Н. Трубачев, слово сохранилось в восточных и южных славянских языках, в то время как в западных оно в основном уже вытеснено [17, с. 134]. В.В. Колесов возводит эту форму к праформе **daiuēr* в исходном значении «дитя, мальчик», впоследствии фонетически изменившейся в сохранившуюся до сих пор словоформу. Примечательно предположение ученого о том, что слово на промежуточном этапе выступало в значении «младший брат, который в роду обладал правами сына», отражая, как подчеркивает автор, родство в семье, в которую входила невеста [5, с. 35]. Лексема *деверьё*, кроме брянских, известна в соседних смол. говорах, но, кроме того, в пск., яросл., новг. говорах [16, т. VII, с. 314]. Все эти названия отживают в русском языке, употребляются сбивчиво, их старое терминологическое значение забывается, сами они уступают место новым, ср. влад. *сношеницы* – «жены братьев» [6, с. 86].

Микрогруппа наименований *свояченица*, *своjak* в брянских говорах малочисленна. Ее семантической приметой являются производные от и.-е. корня **sue-* – «свой», морфологической словопроизводной основы,

т.к. через нее определяют лиц, породнившихся через брак родичей, как «своих». Однако «своими» стали в сознании древних уже не только родственники, но и чужие. По этой причине термины *свояк*, *сват* В.В. Колесов признает более поздними, и они были связаны уже не только с мужской линией родства, а с некоторыми чисто территориальными отношениями между людьми [5, с. 37].

В брянских говорах мужа сестры жены традиционно называют *свояком*, сестру же жены – *свояченицей* и более краткой формой – *свояченией*. (*Сястра жыны мне даводица сваячиняй*) [1, с. 307]. Составители словаря обнаружили эту форму в н-з., поч. и пог. говорах, т.е. на достаточно широкой территории области. Краткие же формы, хотя и иначе оформленные, обнаруживаются в укр. языке: *своячка* и диал. *своякыня* [13, с. 1079]. Лексемы *своячина*, *свойчина* выступают в некоторых русских говорах многозначными. Свойственное же брянским говорам значение – «сестра жены, свояченица» – отмечается авторами СРНГ как основное и довольно широко распространенное в русском диалектном языке: в орл., рост., пск., новг., волог., влад., пенз., самар., вят., перм., урал., новосиб., омск., кемер., иркут., краснояр., курск., тамб., смол., дон., ворон. говорах [16, т. XXXVI, с. 329–330]. Слово можно считать общеславянским. Функционирует слово во многих славянских языках: укр. и блр. *свояк*, болг. *свояк*, *свако*, словен. *svojak*, словц. *svak*, польск. *swojak* [21, т. III, с. 584].

В другую микрогруппу входят слова *свѣт*, *свѣтъя*, объединяемые функцией называния через брак детей или родственников и именующие родителей молодых и их родственников по отношению друг к другу. П.А. Расторгуевым зафиксирована словоформа *свѣшкы* как форма мн. ч. существительного, при этом составитель словаря отметил, что такая форма употребляется чаще, чем ед. ч. [12, с. 237]. Восстанавливаемая форма ед. ч. должна, видимо, быть *свѣшка*. Существенно, что такую форму (наряду со словом *свахы*) мы находим в украинском языке [13, с. 1072]. *Сватом* именуют в украинском языке отца зятя или невестки, при этом известна и другая лексема с данным корнем, но в ином значении: *свѣтач* – «жених» [20, с. 836]. Наши поиски в белорусском языке привели к лексемам *свѣцця* (свахы), *свѣтъя* (мать одного из молодых супругов по отношению к матери или отцу другой) [8, с. 786]. Отметим, что у слова *сват* выработалось значение «устроитель свадьбы, сватающий», оно как новое имя деятеля образовало семантико-морфологическую пару с глаголом *сватать*. Эти отношения выявляют неисконный характер узких специальных значений. Крайней точкой этого процесса является слово *свахы*, известное в брянских говорах как женщина, занимающаяся устройством браков. П.А. Расторгуев зафиксировал в словаре данную лексему во мн. ч. *свѣшкы*, отмечая, что она употребляется чаще [12, с. 237].

О.Н. Трубачев, указывая, что лексема *свахы* образована по типу женских профессий, оканчивающихся на *-ха* (*пряха*, *портниха*), акцентировал внимание на том, что эта форма ошибочна и правильное женское образование от слова *сват* – *сватья* – «родственница, близкая женщина» [17, с. 145]. В истории вост.-сл.

терминов родства замечается примечательная особенность: термины кровного родства тесно взаимодействуют с терминами свойства, как бы «накладываются» на них: к свекру и свекрови было принято (да и сейчас еще это не ушло полностью) обращаться *батюшка* и *матушка*, братьев мужа (*деверей*) называть братьями, а его сестер (*золовок*) – сестрами, сестрицами [4, с. 102]. Это, на наш взгляд, объясняется, по меньшей мере, двумя причинами: подчеркиванием теплоты отношения и утратой современными поколениями знаний о традиционных, идущих с незапамятных времен тонкостей семантики традиционной системы терминов.

Литература

1. Брянский областной словарь / под редакцией Н. И. Курганской. – Брянск : БГУ, 2007. – 381 с.
2. Бурячок, А. А. Назвипорідності і своцтва в українській мові / А. А. Бурячок. – Киев : АН УРСР, 1961. – 120 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1978–1980.
4. Качинская, И. Б. Матушка да батюшко / И. Б. Качинская // Русская речь. – 2008. – № 2. – С. 102–108.
5. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В. В. Колесов. – Ленинград : ЛГУ, 1986. – 312 с.
6. Лавровский, П. А. Коренное значение в названиях родства у славян / П. А. Лавровский. – Санкт-Петербург : Едиториал УРСС, 2005. – 144 с.
7. Нечаев, В. Д. Песни, записанные в селе Гарцеве Стародубского уезда / В. Д. Нечаев. – Варшава : Варшавские известия, 1914. – С. 112–121.
8. Никитин, О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789) / О. В. Никитин. – Москва ; Смоленск : СГПУ, 2001. – 129 с.
9. Никитин, О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / О. В. Никитин. – Москва : МГОУ, 2004. – 47 с.
10. Новейший русско-белорусский и белорусско-русский словарь / авторы-составители: З. И. Бадевич, Ж. Е. Белокурская, Н. А. Борковская. – Минск : Родиоплюс, 2007. – 213 с.
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2001. – 944 с.
12. Расторгуев, П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины / П. А. Расторгуев. – Минск : Наука и техника, 1973. – 296 с.
13. Російсько-український словник / под редакцією В. В. Жайворонка. – Київ : Абрис, 2003. – 1424 с.
14. Семенов, Ю. И. Происхождение брака и семьи / Ю. И. Семенов. – Москва : Мысль, 1974. – 308 с.
15. Словарь брянских говоров / под редакцией В. И. Чагишевой, В. А. Козырева. – Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976–1988. – Вып. 1–5.
16. Словарь русских народных говоров / под редакцией Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – Москва ; Ленинград : Наука, 1965–2007. – Вып. 1–41.
17. Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. – Москва : URSS, 2006. – 250 с.
18. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 томах / П. Я. Черных. – 3-е изд. – Москва : Русский язык, 1999. – Т. 1. – 624 с. – Т. 2. – 560 с.

19. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский. – Москва : Просвещение, 1975. – 536 с.

20. Украинско-русский словарь / под редакцией В. С. Ильина. – Киев : Наукова Думка, 1964. – 1064 с.

21. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х томах / М. Фасмер. – Москва : Прогресс, 1964–1973.

22. Цыганенко, Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – Киев : Рад. школа, 1970. – 598 с.

Yu.V. Milyutina

**LEXICAL-SEMANTIC ANALYSIS OF THE WORDS DENOTING RELATIONSHIPS
BY MARRIAGE IN BRYANSK DIALECTS**

The article analyzes a lexical-semantic group of words belonging to the thematic group "Kinship terms". The material from the Bryansk dialects as well as from other Russian dialects and closely related East Slavic languages is used. The author comes to the conclusion about active connections between the Bryansk dialects and Belarusian and Ukrainian due to the location of the Bryansk oblast.

Dialect, semantics, relationship by marriage, the Bryansk dialects, lexical-semantic group of words, closely related East Slavic languages.